

WORLD CLASSICS BOOKS

АЛЕКСЕЙ
ПИСЕМСКИЙ

МЕЩАНЕ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ПЗ4

Писемский, А.Ф.
ПЗ4 Мещане/ А.Ф. Писемский. — М. : Т8 Издательские технологии / World Classics Books, 2019. — 578 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76923-0

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Эдгара Дега «На скачках в сельской местности», 1869, Музей изящных искусств, Бостон.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76923-0 © Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава I	7
Глава II	18
Глава III	31
Глава IV	44
Глава V	58
Глава VI	70
Глава VII	84
Глава VIII	103
Глава IX	123
Глава X	132
Глава XI	144
Глава XII	156
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	175
Глава I	177
Глава II	196
Глава III	209
Глава IV	223
Глава V	238

Глава VI.	255
Глава VII.	273
Глава VIII.	292
Глава IX.	311
Глава X.	327
Глава XI.	344
Глава XII.	357
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	371
Глава I.	373
Глава II.	392
Глава III.	412
Глава IV.	431
Глава V.	448
Глава VI.	466
Глава VII.	486
Глава VIII.	505
Глава IX.	526
Глава X.	550

Часть первая

Глава I

В Большом театре давали «Травиату». Примадонна была восхитительна. В переднем ряду, между все почти военными, сидел один статский. В его фигуре, начиная с курчавой, значительно поседевшей головы и весьма выразительного, подвижного лица до посадки всего тела, проглядывало что-то гордое и осанистое. Он сидел, опершись своими красивыми руками на дорожную палку. Костюм его весь состоял из одноцветной материи. По окончании первого акта, когда статский встал с своего места и обернулся лицом к публике, к нему обратился с разговором широкоплечий генерал с золотым аксельбантом и начал рассказывать, по мнению генерала, вероятно, что-нибудь очень смешное. Статский выслушал его весьма внимательно, но в ответ генералу ничего не сказал и даже на лице своем ничего не выразил. Тот, заметно этим несколько обидевшись, отвернулся от статского и, слегка поддувая под свои нафабранные усы, стал глядеть на логи. В это время с другой половины кресел стремился к статскому другой военный, уж какой-

то длинновязый, с жиденькими усами и бакенбардами, с лицом, усыпанным веснушками, с ученым знаком на груди и в полковничьих эполетах. Он давно со вниманием заглядывал на статского, и, когда тот повернул к нему лицо свое, военный, как-то радостно воскликнув: «Боже мой, это Бегушев!» — начал, шагая через ноги своих соседей, быстро пробираться к нему.

— Александр Иванович, вы ли это? — произнес он, останавливаясь, наконец, перед Бегушевым.

Что-то вроде приветливой улыбки промелькнуло на губах того.

— Ах, Янсутский, здравствуйте! — проговорил он, протягивая военному руку и как бы несколько обязательным тоном.

После того Янсутский некоторое время переминался перед Бегушевым, видимо, отыскивая подходящий предмет для разговора.

— Но каким же образом вы на опере Верди? — придумал он, наконец.

Бегушев усмехнулся.

— Что вас так удивляет это? Я очень люблю эту оперу, — отвечал он.

— Но знатоки, кажется, вообще не слишком высоко ставят Верди?.. — больше спросил Янсутский.

— Я не особенный знаток... — протянул Бегушев.

— Ну, как вы не знаток!.. — возразил Янсутский и затем прибавил: — Как, однако, много времени прошло

с тех пор, как я имел честь познакомиться с вами за границей... Лет пятнадцать, кажется?

— Да, — протянул и на это Бегушев.

Янсутский придал затем печальное выражение своему лицу.

— А Наталья Сергеевна, как я слышал, кончила жизнь?

Лицо Бегушева окончательно омрачилось.

— Она умерла, — проговорил он.

После этого оба собеседника опять на некоторое время замолчали.

— А вы тоже в Москве живете? — сказал Бегушев как бы затем, чтобы что-нибудь сказать.

— Я, собственно, больше живу в вагонах, на железной дороге. Я занимаюсь коммерцией: распорядитель в нескольких компаниях и сам тоже имею подряды. Нельзя, знаете: в год тыuchoнок шестьдесят-восемьдесят иногда зашибешь, — приятно это и соблазнительно... — объяснил Янсутский.

— Но каким же образом вам позволяют носить ваш военный мундир? — спросил Бегушев явно удивленным голосом.

— Да... ну, это что же!.. Я, собственно, схлопотал и сохранил себе эту форму больше для апломба. Весу она, знаете, как-то больше дает между разным этим мужичьем: подрядчиками... купцами!.. Россия-матушка еще

страна варварская: боится и уважает палку и светленький позументик!

Бегушев на это молчал.

— Вы, если я не ошибаюсь, дом свой в Москве имеете? — допрашивал его Янсутский.

— Свой-с! — отвечал ему лаконически Бегушев.

— Надеюсь, что вы позволите мне быть у вас, — продолжал Янсутский, слегка кланяясь, — у меня тоже здесь свой дом, который и вы, может быть, знаете: на Тверской, против церкви; хатка этакая небольшая — на три улицы выходит... Сам я, впрочем, не живу в нем, так как бываю в Москве на время только...

Бегушев и на это совершенно промолчал.

— Буду иметь честь явиться к вам! — заключил Янсутский и, расшаркавшись, отошел от Бегушева; но, проходя мимо широкоплечего с аксельбантом генерала, почти в полспины поклонился ему. Генерал протянул ему два пальца. Янсутский пожал их и, заметно оставшись очень доволен этим, вышел с некоторою гордостью на средний проход, где, приостановившись, взглянул на одну из бельэтажных лож, в которой сидела одна-одинехонька совершенно бабочке подобная дама, очень богато разодетая, с целым ворохом волос на голове, с лицом бледным и матовым, с светлыми, веселыми глазками и с маленьким, вздернутым носиком. В продолжение всего акта она совершенно не слушала оперы, сидела даже отвернувшись от сцены, очень часто зевала и прислонялась го-